

ентировании читателя. Следовательно, мы можем рассматривать форму печатного периодического издания как глобальную ориентирующую систему.

1. Гарсиа М. Как сделать содержание компактным // КАК. 2005. № 2.
2. Тулунов В. В. Дизайн периодических изданий : учебник. СПб., 2006.
3. Феличи Дж. Типографика: шрифт, верстка, дизайн / пер. с англ. и коммент. С. И. Пономаренко. СПб., 2004.

Статья поступила в редакцию 25.03.2010 г.

УДК 070.422.1 + 81'276.6:070

Л. В. Енина, Э. В. Чепкина

САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖУРНАЛИСТА В ПРЯМОМ ЭФИРЕ НА РАДИО

Предлагается новый подход к исследованию коллективной и персональной идентичности, базирующийся на теории дискурса. На материале речи ведущего утренней программы выявляются дискурсивные практики самоидентификации, воспроизводящие смыслы принадлежности к профессии журналиста. Практики самоидентификации реализуют смысл самотождественности «я, как и все журналисты» и смысл самости «я, в отличие от всех других журналистов». Исследование относится к дискурсивно-стилистической проблематике изучения языка СМИ.

Ключевые слова: медиадискурс, самоидентификация, дискурсивные практики, стилистика СМИ.

Журналистский дискурс и фигура журналиста наделяются в обществе рядом специфических функций, в том числе функцией формирования площадки для публичного диалога по значимым социальным проблемам. Актуальной формой диалога является интерактивное общение с аудиторией в прямом эфире на радио, организация такого общения — важная составляющая журналистского профессионализма. Каким образом тот, кто говорит в прямом эфире, идентифицируется в качестве журналиста-профессионала? Мы рассматриваем эту проблему в лингвистической плоскости — через анализ дискурсивных практик самоидентификации¹.

¹ Идентификацию в широком смысле можно понимать как процесс отождествления с кем-либо / чем-либо (см.: [20]).

ЕНИНА Лидия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: enina.lidia@gmail.com).

ЧЕПКИНА Элина Владимировна — доктор филологических наук, доцент, завкафедрой русского языка и стилистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: cherkina@gmail.com).

© Енина Л. В., Чепкина Э. В., 2010

Идентичность как значимая социокультурная характеристика человека стала одной из главных тем обсуждения в научном сообществе на рубеже XX и XXI столетий. Идентичность и процессы идентификации входят и в круг проблем, изучаемых наукой о языке. Однако понятие идентичности в значительной части лингвистических работ не проблематизируется. С одной стороны, идентичность рассматривается как часть психологических процессов в индивидуальном или массовом сознании, которая репрезентируется в языке и речи [8, 9, 13, 18, 27]. Такой подход видит идентичность как нечто статичное, очевидным образом имеющееся у индивида или коллектива, и помогает обнаружить лингвистические маркеры, репрезентирующие определенный тип идентичности, коллективной или персональной, выявить лингвокультурные типажи, концепты, бытующие в сознании представителей определенного культурного сообщества. С другой стороны, в лингвистических работах внимание к идентичности проявляется с точки зрения способов ее конструирования [2, 3, 19, 20, 28]. В этом случае идентичность предстает как феномен, постоянно находящийся в динамике и способный к изменению, лингвисты изучают процессы идентификации и выявляют, с помощью каких лингвистических, коммуникативно-прагматических, дискурсивных средств конструируется идентичность субъекта или социальной группы.

В обоих подходах к исследованию идентичности по умолчанию признается онтологическое превосходство за уже сформировавшейся идентичностью, процессы идентификации при этом представляются вторичными. Такое субстанциональное понимание идентичности позволяет описать некоторое количество опознаваемых, часто воспроизводящихся идентичностей, в том числе в медиадискурсе, однако, на наш взгляд, не исчерпывает возможности исследования.

Принимая взгляд на субъекта как на незавершенную целостность [1, 24], мы опираемся на положение, что говорящий субъект не имеет устойчивой идентичности, следовательно, не репрезентирует в речи «свойственную» ему идентичность, а *устанавливает* ее в коммуникации вследствие процесса идентификации. «Исходная травма конститутивной неполноты говорит о том, что любая идентичность (и любое решение) является результатом актов идентификации. И поскольку объект идентификации — невозможный объект, не существует априорно предопределенного содержания, берущего на себя функцию воплощения» [4, 146]. В этом контексте идентичность субъекта возникает в дискурсе и, соответственно, всякое высказывание субъекта есть совершение действия по установлению собственной идентичности.

Сформулируем рабочее определение: идентичность есть всякий раз промежуточный результат непрерывного процесса идентификации посредством использования дискурсивных практик. Дискурс понимается нами как совокупность социально обусловленных практик организации коммуникации и текстов, выстроенных с помощью этих практик. Каждая дискурсивная практика — это форма сохранения коммуникативного опыта. Говорящий, занимая субъектную позицию в пространстве определенного дискурса, конституируется соответствующими дискурсивными практиками, и их следы в текстах могут быть

выявлены и проанализированы [о теории дискурса и дискурсивного анализа см.: 5, 19, 23, 24, 25, 26].

В качестве материала для исследования нами выбраны утренние программы на радио, которые транслируются в прямом эфире. Мы рассмотрели практики самоидентификации Сергея Доренко, основного ведущего утреннего шоу «Подъем!» на радиостанции «Русская служба новостей». Были исследованы программы с сентября 2008 по март 2010 г. При воспроизведении речевых фрагментов использовалась традиционная запись письменной речи с соблюдением орфографических и пунктуационных норм. Поскольку анализу подвергается смысловое наполнение речи, ее фонетические особенности в записях не отмечаются.

Для анализа практик самоидентификации речь в прямом эфире привлекательна по двум причинам. Во-первых, в устной коммуникации более наглядно, чем в письменной, воспроизводятся механизмы речепорождения вообще и механизмы самоидентификации в частности. Во-вторых, ведение прямого эфира, интерактивное общение — сложные практики, демонстрирующие важные закономерности организации журналистского дискурса.

Наше исследование не направлено на речевое портретирование Сергея Доренко, его речь служит материалом для выявления надындивидуальных дискурсивных практик самоидентификации, однако считаем нужным сказать несколько слов об этом журналисте. Будучи признанным профессионалом, известным с 1990-х гг. всей стране по ярким программам на телевидении («Версии» на НТВ, «Время», «Программа Сергея Доренко» на ОРТ), он получил репутацию телекиллера в период 1999–2000 гг. в связи с очевидной ангажированностью его программ и использованием провокационных методов критики политических оппонентов, после чего на несколько лет исчез из телерадиоэфира. В 2004 г. появился как постоянный участник программы «Особое мнение» на радио «Эхо Москвы», а с сентября 2005 г. там же вел утреннюю разговорную программу «Разворот», которая стабильно получала высокие рейтинги. С сентября 2008 г. Сергей Доренко — главный редактор радиостанции «Русская служба новостей» (РСН) и ведущий утреннего шоу «Подъем!».

Жанр утреннего шоу на отечественном радио сложился как развлекательно-информационный [7, 21]. Однако С. Доренко в качестве ведущего утреннего ток-шоу привнес изменения в жанровую специфику, его программа наполняется, прежде всего, серьезными, общественно значимыми сюжетами, не теряя и развлекательного элемента: «априори “легкий” жанр в данном случае не означает облегченного содержания» [6, 246]. Иными словами, Сергей Доренко усилил в жанре утреннего ток-шоу те практики, которые реализуют общественно-политические функции журналистики.

В соответствии с различием двух аспектов самоидентификации — самости и самоидентификации [16] мы будем различать персональные и коллективные практики самоидентификации журналистов. То, что идентичность человека складывается из двух противоположностей: самоидентификации (одинаковости, похожести) и самости (стремления отделить себя от одинаковости, готовности совершить поступок и тем самым измениться), важно для

обнаружения в дискурсивных практиках самоидентификации тех знаков, которые содержат эти противоположные смыслы. Принято считать, что журналист-профессионал, выполняя то же самое, что и другие представители профессии, имеет свое лицо, обладает творческой индивидуальностью [см., например: 14, 15]. Исследуя дискурсивные практики профессиональной самоидентификации журналиста, условно можно разграничить реализацию смыслов самоидентификации «я, как и все журналисты» и смыслов самости «я, в отличие от всех других журналистов».

Для рассмотрения практик самоидентификации в прямом радиоэфире, общих для всех журналистов, обратимся к построению нарратива программы. Термин «нарратив» употребляется нами в широком смысле и понимается как текст, обладающий темпоральной структурой, т. е. некая история, повествование [16, 22, 29]. Дискурсивная и функционально-стилистическая принадлежность текстов-нарративов может быть различной. Наиболее подробно разработана теория художественного нарратива, но нарративная структура присутствует в самых разных дискурсах, в том числе активно используется в журналистике.

Выходя в эфир, журналист начинает «историю», сюжет своей программы, имеющей строгое ограничение по времени. Нарративная, сюжетная организация дискурса предполагает выделение дискретных единиц нарратива и их компоновку по определенным правилам: «Сюжет представляет собой мощное средство осмысления жизни. Только в результате возникновения повествовательных форм искусства человек научился различать сюжетный аспект реальности, то есть расчленять недискретный поток событий на некоторые дискретные единицы, соединять их с какими-либо значениями (то есть истолковывать семантически) и организовывать их в упорядоченные цепочки (истолковывать синтагматически). Выделение событий — дискретных единиц сюжета — и наделение их определенным смыслом, с одной стороны, а также определенной временной, причинно-следственной или какой-либо иной упорядоченностью, с другой, составляет сущность сюжета» [11, 242].

Единицами нарратива радиопередачи являются обязательные тематические блоки, которые обычно обозначаются через соответствующие названия рубрик. В двухчасовой программе «Подъем!» есть тематические блоки, повторяющиеся в течение одной программы как минимум дважды: *Обзор прессы*, *Новости биржи*, *В движении*, *Спорт*, и есть блоки, посвященные обсуждению тем, выбранных ведущим в качестве наиболее актуальных на момент выхода в эфир. В течение одной программы поднимается несколько актуальных тем. На каждый тематический блок отведено определенное время, и запланированный хронометраж, как правило, соблюдается, что формирует устойчивые нарративные ожидания аудитории.

Значимость в структуре программы и, соответственно, временная протяженность разных тематических блоков различна. Так, главная единица нарратива программы — это обсуждение последних новостей. Создатели программы заявляют на сайте «РСН»: «Высокохудожественным образом обсуждаем самые важные, интересные и дискуссионные темы. Не просто обсуждаем, а привлекаем

экспертную оценку и бесценные свидетельства слушателей» (<http://rusnovosti.ru/programms/prog/22502/>). Обсуждение четко структурировано и состоит, как правило, из следующих элементов: новость зачитывается или пересказывается со ссылкой на источник информации; по телефону проводится опрос слушателей о причинах или следствиях события; пока собираются количественные данные о мнении аудитории, событие обсуждается со слушателями, позвонившими в студию; сообщаются результаты опроса; главный ведущий подводит итоги, выражает свое мнение.

Заметными практиками профессиональной самоидентификации журналиста в прямом радиэфире служат практики экспликации нарратива программы. Создаваемый журналистом нарратив имеет линейную темпоральную организацию, и его границы, а также разбивка на части эксплицируются в высказываниях, которые маркируют начало программы, ее завершение, перерыв на новостной выпуск или рекламный блок. Так как программа структурирована внутренними рубриками, тематический переход к ним также маркируется в речи журналиста. Эти высказывания служат скрепами, обеспечивающими целостность и связность программы. Четкое композиционное членение облегчает восприятие устной речи, а ежедневный повтор основных структурных единиц позволяет закреплять нарративные ожидания относительно программы.

Маркерами дискурсивных практик экспликации нарратива программы выступают как устойчивые высказывания, повторяющиеся из программы в программу, так и высказывания, не имеющие клишированного речевого оформления. Например, начальная и финальная фразы программы «Подъем!» всегда одинаковы. Начало: *Подъем! Это р-р-р-русская служба новостей. Здравствуй, великий город! Здравствуйте, все! Это русская служба новостей*; завершение эфира: *Оставляю вам Анастасию Оношко, а я пойду и проживу этот четверг, 11 марта; Светлана Матвеева расскажет вам о спорте, а я пойду и проживу ее, эту пятницу 12 марта.*

К клишированным маркерам экспликации нарратива программы в речи С. Доренко относятся также короткие высказывания, звучащие перед новостным или рекламным блоком или в связи со сменой тематических рубрик: *Погнали!; Поехали!; Движемся дальше!* Такие высказывания придают программе дополнительную динамичность.

Приведем примеры неклишированных маркеров названной дискурсивной практики. Так, прерывая разговор со слушателем, позвонившим в студию, Доренко поясняет остальным: *Это кто-то о среднем классе хотел разговаривать, а у нас уже рубрика «В движении». Где едете? Что видите?» (11.03.2010).* Или при завершении очередного обсуждения он проговаривает переход к следующей части нарратива программы: *Ладно, поехали. Обзор печати, что ли?» (08.03.2010).*

К важным маркерам экспликации нарратива программы относятся высказывания, в которых фиксируется ограничение по времени для конкретной рубрики или темы. Часто Доренко делает это, обращаясь ко второй ведущей эфира Анастасии Оношко: *Настенька, полторы минуты всего (25.02.2010); Настя, хочу предупредить, что на обзор прессы мы оставили одну минуту, потому что*

пресса безнравственно продолжает обсуждать 8 марта (10.03.2010). К этим же маркерам присоединяются высказывания, несущие собственно информационную функцию, например, название точного времени: *Девять пятьдесят восемь. Спорт.*

Обратимся к практикам профессиональной самоидентификации, присутствующим в главной нарративной единице программы. Во-первых, это практики, эксплицирующие организационную часть работы, например, отбор новостей для обсуждения: *Я тут навестал тем 20, до шести вечера. Очень хорошо!* (17.09.2008). Отбор новостей — одна из важнейших дискурсивных практик в журналистике. Во-вторых, дискурсивные практики организации интерактивного общения в прямом радиэфире. Опора на аудиторию, стремление сделать ее субъектом формирования диалога, источником информации считаются важными показателями профессионализма [10]. В программе С. Доренко используются различные средства интерактивного общения — общение со слушателями в прямом эфире по телефону, комментирование сообщений, поступивших на пейджер и на форум сайта радиостанции «РСН». Используется также опрос по телефону путем голосования за то или иное мнение. Так как полученные таким образом результаты нельзя считать корректными с научной точки зрения, абсолютное число позвонивших никогда не называется, и ведущий сообщает о результатах лишь в процентном соотношении: *У нас антиненаучный опрос, ненаучный абсолютно* (26.01.2009). Тем самым подчеркивается, что цель журналиста — не провозглашение научной истины, а выяснение спектра мнений.

Развернутый диалог со слушателями в прямом эфире обеспечивает представление разнообразных мнений аудитории на заданную тему и всегда содержит элемент интриги, непредсказуемости развертывания общения с неизвестным, дозвонившимся в студию. Здесь востребованы практики организации диалога, позволяющие ввести его в жесткие временные рамки. Иногда ведущий даже объясняет слушателям правила ведения радиопрограмм, особенно часто такие комментарии встречались в первых эфирах программы «Подъем!»: *Почему я отключаю звонки? Я отключаю тогда, когда мне темпоритм рушат. Темпоритм — это главное в передаче. Кто танцевал, тот знает.* (16.09.2008); *Мы обсуждаем только одну тему. Здесь не клуб и не пивнушка. Я ведущий, здесь верстку определяю я* (17.09.2008). На наш взгляд, развернутый метатекст о профессии в подобных случаях можно рассматривать как показатель компетентности и большого опыта журналиста.

Самоидентификация журналиста присутствует в открыто заявляемом стремлении узнать мнение специалиста. Часто С. Доренко подчеркивает, что он хотел бы услышать мнение слушателей, компетентных в обсуждаемой теме, способных дать экспертную оценку: *Позвоните, если вы специалист и понимаете в этом деле* (26.01.2009); *Объясните нам, летуны, что такое истребитель пятого поколения?* (20.01.2010); *Товарищи ученые, скажите нам, где кроется в Академии наук мракобесие?* (28.01.2010); *Мы спрашиваем культурологов, антропологов, психиатров и все смежные профессии: с чем связано это явление? Объясните, с чем связано это культурное явление?* (о популярности Э. Хилля) (11.03.2010).

Выбор собеседника для обсуждения конкретной темы ведется не только по признаку компетентности, но и по возможности сообщить о живых деталях происходящего, выступить в роли очевидца важного, актуального события. Таков, например, смысл призыва ведущего в разговоре о столкновении автомобилей в Москве, в результате которого погибли две женщины: *Я прошу: никто не звоните кроме Площади Гагарина. Площадь Гагарина, если вы там или только что ее проехали, если вы там или только что ее проехали* (25.02.2010); или: *Я хотел бы говорить с теми, кто видел этот матч* (об игре в хоккей команд Канады и России в Ванкувере) (25.02.2010).

При завершении обсуждения С. Доренко дает собственную интерпретацию темы, в этой части дискурсивная практика самоидентификации содержит смысл самости, распространяющийся не только на профессию, но и на личные этические принципы. Например, С. Доренко поставил на голосование вопрос: *18 правонарушений за рулем у Станислава Сутягина² — это много или мало?* Приведем его финальное высказывание: *Для меня это значит, что он хороший человек. Знаете почему? Простой ответ, друзья: Сутягин не отмазывался, Сутягин не совал соточки этим подонкам, Сутягин не протягивал пятисоточки, Сутягин не совал виды Архангельска. ...Сутягин хороший человек, поэтому у него восемнадцать правонарушений. А если бы было ноль, мы бы знали что он подонок, взяточодатель, если бы было ноль. Понятно, да? Мы бы сказали: понятно, что ты суешь в правах, мой дорогой, понятно. А вот если у тебя 18, значит, ты просто хочешь честно жить* (12.03.2010). Мнение С. Доренко, когда он утверждает, что хороший человек не тот, кто не совершает правонарушений, а тот, кто, совершив правонарушение, не дает взятки сотрудникам ГИБДД, идет вразрез с шаблонным, привычным ходом мысли: хорошие водители никогда не нарушают правила. В данном случае самоидентификация С. Доренко по ценностному признаку выведена в сферу гражданской ответственности.

В высказываниях, содержащих оценку других СМИ, журналистом воспроизводится смысл самости в профессии (*я, в отличие от других журналистов*): *Вся сегодняшняя пресса обсасывает одно событие, которое произошло накануне. Честно говоря, у нас событий было больше, но вся наша пресса воздает должное Швеции* (10.03.2010); *«Известия» любят через две недели что-то подать как новости* (26.01.2009); *Мы темообразующие. Мы вчера обсуждали эту тему 15 минут. Сегодня все газеты об этом пишут* (12.09.2008).

В режиме свободной устной речи ведущий, конечно, не ограничивается профессиональной самоидентификацией. Практики самоидентификации, содержащие смыслы самости, имеют не только знаки профессиональной принадлежности (*я, в отличие от других журналистов*), но и знаки сугубо индивидуальные (*я, в отличие от всех*). Практики самоидентификации, не связанные напрямую с профессиональными практиками, всегда тематически разорваны, фрагментарны, что типично для введения «я»-темы в разговорном тексте [12]. Так,

---

² Станислав Сутягин — блоггер, описавший свое участие в «живом щите» при задержании нарушителя ГИБДД.

знаками персональной самоидентификации являются: (1) биографические сведения: *Я родился в Крыму. В 10 месяцев меня увезли мотаться по гарнизонам* (8.09.2008); *Я сын генерала советской армии. Мой дед капитан Красной армии, чем я дико горжусь* (11.09.2008); (2) сведения о партийной принадлежности: *Я член КПРФ, да* (30.03.2010); (3) сведения о частной жизни: *Человек счастлив в день, когда он покупает яхту, и в день, когда он ее продает. Спросите, откуда я это знаю. Я продавал яхту* (17.09.2008); *Я говорил с разными богатыми людьми. Вы не поверите, но я знаю с десятков миллиардеров* (17.09.2008); *Я покупаю помидоры у одной калмычки из Астрахани на нашем рынке. За 60 рублей* (12.09.2008); *Уже 10 лет у меня нет телевизора* (16.09.2008); *У меня на домашний телефон сыну школьники звонят. Я не подхожу к домашнему телефону. Мне на мобильный звонят* (16.09.2008).

Сведения о частной жизни журналиста, образующие относительно автономный биографический нарратив, мы также в целом относим к дискурсивным практикам профессиональной самоидентификации, так как журналист рассказывает о себе в прямом эфире широкой аудитории и так как эта информация влияет на создание неповторимой, индивидуальной идентичности говорящего, что нередко способствует популярности ведущего у радиослушателей.

Так каким образом говорящий в прямом эфире идентифицируется в качестве журналиста-профессионала? Самоидентификация журналиста, равно как и идентификация его слушателями, осуществляется по тем практикам, которые он использует в прямом эфире. Выявленные дискурсивные практики самоидентификации журналиста в прямом эфире показали, что значимыми идентифицирующими признаками профессиональной компетентности ведущего программы являются отбор тем для обсуждения по признаку актуальности и общественной значимости; выявление и обнародование разных мнений аудитории по заявленным информационным поводам; устойчивая, четко структурированная организация нарратива программы, позволяющая управлять интерактивным диалогом так, чтобы он был интересен, разнообразен, понятен для всех слушателей; яркая индивидуализация речи ведущего, позволяющая идентифицировать его в этическом и биографическом плане.

С практической точки зрения описание практик самоидентификации журналистов способствует выявлению механизмов овладения профессиональными навыками в сфере журналистики, может помочь повышению профессиональной культуры работников сферы массмедиа.

-
1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
  2. Громова В. М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007.
  3. Диасамидзе Л. Р. Гендерная идентичность в дискурсе политических блогов // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2009. Вып. 10 (44). С. 58–63.
  4. Керимов Т. Х. Неразрешимости. М., 2007.
  5. Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст—Дискурс—Стиль : сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 9–41.

6. Козина Е. С. Феномен Сергея Доренко: «Телекиллер», *RASSTRIGA*, «Сереза-пастушок» // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М., 2010. С. 246–247.
7. Кононов А. Н. Утреннее шоу на музыкальном радио: принципы построения // XXI век начинается: Актуальные вопросы журналистики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 30 окт.–1 нояб. 2002 г. / сост. Л. М. Макушин. Екатеринбург, 2002. С. 166–172.
8. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 284.
9. Кутина Н. А. Вербальные знаки идентичности в идеологическом пространстве Урала // Славянские языки: аспекты исследования : сб. науч. ст. Минск, 2009. С. 142–147.
10. Лозовский Б. Н. Манипулятивные технологии управления средствами массовой информации. Екатеринбург, 2008.
11. Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 224–242.
12. Матвеева Т. В. Тематическое развертывание разговорного текста // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 46–54.
13. Михайлова О. А. Вербализация региональной идентичности в культурном пространстве современного уральского города // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2005. С. 105–111.
14. Олешко В. Ф. Журналистика как творчество. М., 2003.
15. Олешко В. Ф. Психология журналистики. Екатеринбург, 2006.
16. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1 : Интрига и исторический рассказ. М. ; СПб., 1998.
17. Рикер П. Я-сам как другой. М., 2008.
18. Русские и «русскость» : лингво-культурологические этюды / сост. В. В. Красных. М., 2006.
19. Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
20. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 2 (22). С. 60–67.
21. Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики. М., 2002.
22. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
23. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
24. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 47–97.
25. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
26. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.
27. Шалина И. В. Советская составляющая уральской речевой культуры // Советское прошлое и культура настоящего. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 304–321.
28. Школовая М. С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
29. Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Статья поступила в редакцию 18.05.2010 г.